

Язык и культура

№ 4 (20)

2012

Научный периодический журнал

*Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30317
от 19 ноября 2007 г.*

Журнал «Язык и культура» входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии (решение Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 года № 6/6)

Томск
2012

Учредитель

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Главный редактор – С.К. Гураль,

доктор педагогических наук,
профессор, декан факультета иностранных языков
ФГБ ОУ ВПО «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Ответственный секретарь – И.Г. Темникова,

кандидат филологических наук, факультет иностранных языков
ФГБ ОУ ВПО «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Нагель О.В.**, кандидат филологических наук, факультет иностранных языков
Томского государственного университета;
- Новицкая И.В.**, кандидат филологических наук, факультет иностранных языков
Томского государственного университета;
- Мильруд Р.П.**, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой теории и
практики преподавания английского языка Тамбовского государственного
университета им. Г.Р. Державина, заслуженный работник высшей школы;
- Обдалова О.А.**, кандидат педагогических наук, факультет иностранных языков
Томского государственного университета;
- Разина И.Г.**, кандидат филологических наук, факультет иностранных языков
Томского государственного университета;
- Серова Т.С.**, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой иностран-
ных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации Пермского на-
ционального исследовательского политехнического университета;
- Сысоев П.В.**, доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора
Института иностранных языков Тамбовского государственного универ-
ситета им. Г.Р. Державина;
- Шмалия Владимир**, проректор Общецерковной аспирантуры и докторантуры,
кандидат богословия, протоиерей.

Адрес редакции: 634050, Томск, пр. Ленина, 36
ФГБ ОУ ВПО «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»,
факультет иностранных языков
Телефон/факс: 8+(3822)–52-97-42
E-mail: gural.svetlana@mail.ru

**ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ПРОТОТИПЫ
ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ СУФФИКСОВ
С СОНОРНЫМИ СОГЛАСНЫМИ
(НА МАТЕРИАЛЕ АБСТРАКТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ)**

И.В. Новицкая

Аннотация. Группа словообразовательных суффиксов абстрактных существительных в древнегерманских языках содержит форманты, которые имеют в своей структуре сонорный элемент, по происхождению связанный с индоевропейскими местоименными основами и суффиксами. Анализ этимологии данных суффиксов позволяет выявить синкретичный характер их семантики. Выясняется, что сонорный элемент маркировал семантику относительности, принадлежности и посессивности, которая дополнялась семантикой гласных элементов суффиксов.

Ключевые слова: абстрактные существительные; древнегерманские языки; словообразовательные суффиксы; сонорные согласные; синкретизм; семантика.

При исследовании словообразовательного аспекта абстрактных существительных (далее – АС) в трех древнегерманских языках – готском, древнеисландском и древневерхненемецком – было установлено, что данные существительные маркированы словообразовательными морфемами двух видов: 1) основообразующими суффиксами, которые одновременно могли выполнять и словообразовательную функцию; 2) собственно словообразовательными суффиксами разной степени структурной сложности и времени формирования.

Этимологические данные о выделенных суффиксах позволили распределить их на несколько групп: 1) суффиксы раннеобщей.-е. языкового состояния, куда относятся древнейшие основообразующие суффиксы -u-, -ō-, -a-, -i-, -ja-, -jō-; 2) суффиксы общей.-е. происхождения: *-ti-, *-tu-, *-to-/-tā- и *-ni-, а также суффиксы *-tlo-, *-tro-, *-men-, *-two-/-twā и *-k-, которые в самостоятельном употреблении в древнегерманских языках были уже непродуктивны, однако послужили источником для формирования общегерманских суффиксов; 3) общегерманские суффиксы, куда также можно отнести и самые «молодые» основообразующие аффиксы: -ōn-, -jōn-, -wōn-, -ī(n)-; 4) древнегерманские суффиксы, образованные из вторых компонентов сложных слов. В каждой из выделенных групп суффиксов возможно дальнейшее их распределение на подгруппы в зависимости от времени появления в языковой системе.

Самая многочисленная группа суффиксов включала в себя элементы, которые были представлены в структуре АС в различных древнегерманских языках, но по происхождению связанных с и.-е. словоо-

бразовательными суффиксами. К числу и.-е. суффиксов, послуживших источниками для формирования словообразовательных формантов в древнегерманских языках, относятся *-ti-, *-tu-, *-to-/-tā- и *-ni-.

В настоящей статье к анализу привлекаются этимологические данные о группе общегерманских суффиксов и.-е. происхождения, содержащих сонорный согласный -n-. Задача исследования при этом заключается в том, чтобы очертить объем содержания, который маркировался указанными формантами.

Данные древнегерманских языков показывают, что сонорный согласный входил в структуру следующих суффиксов общегерманского происхождения:

– гот. -eini-, -ōni-, -aini-, ди. -an-/ -un-, -n-, двн. -ī-, -īn-, да. -en-; этимологически данные формы возводятся к и.-е. суффиксу *-ni- [1. С. 90];

– ди. -ing-/ -ung-, -ning-, двн. -unga-, да. -ing-/ -ung-, -ling-; происхождение суффиксов связывается с сочетанием окончания формы основы существительных слабого склонения -n- и и.-е. суффикса *-k(o)- [1. С. 101; 2. С. 33; 3. С. 223];

– гот. -ubni-/ -ufni-, двн., да. -unnja-/ -innia-, -innjō-; по происхождению это и.-е. суффикс *-umnja-/ -umnjō- < и.-е. *-ubnja- < и.-е. суф. *-mnjo- как расширенный вариант и.-е. суф. *-men-/ -mn- [4. С. 106; 5. С. 79; 6. С. 90].

Таким образом, источниками для общегерманских суффиксов АС с сонорным элементом послужили основообразующий суффикс *-n-, а также и.-е. суффиксы *-ni-, *-k(o)-, *-men-.

Индоевропейские суффиксы из выделенной группы (*-k(o)-, *-men- (> *-mo-/ -mā-), *-ni-) структурированы согласными (*-N- < *-m-, *-n-, *-k-) и гласными (*-o-, *-i-, *-ā-) элементами. Если гласные элементы соотносятся с тематической гласной и с гласной *-i-, то согласные – с местоименными корнями: *-n- с отдаленной и *-k- с близкой семантикой [7. С. 332–334; 8. С. 146–156]. Следует учесть и точку зрения К. Шилдз [9. С. 62] о том, что и.-е. форманты *-N- (= *-m-, *-n-), *-ī- засвидетельствованы как показатели генитива, часто недифференцированные в отношении числа. При этом указывается, что типологической характеристикой является этимологическая связь между значением генитива (посессивным значением) и локативными значениями действительных элементов [10. С. 147].

В соответствии с тезисом о местоименной природе основообразующих суффиксов, считается возможным связать основообразующий формант -n- с и.-е. указательным местоимением с основами на *eno- (enā-, ono-, onā-), представленными в арийск. ana «этот, он»; авест. ana-; вост.-литов. диал. anás, aňs, enà (ж. р.); ст.-слав. onŭ, onь «тот, он», ona (ж. р.); хет. aniš; арм. ayn «тот»; двн. ěneg «тот»; др.-инд. ana- «этот» [11. С. 401; 12. С. 20].

К. Шилдз реконструирует действительскую частицу в *(e/o)-n-, которая своими рефлексам имеет и.-е. указательные корни *no-, *eno-,

*oino-, *ono-, *aino- [10. С. 147]. Далее рассмотрим имеющиеся сведения об этимологии данных суффиксов.

И.-е. суффикс *-ni-

И.-е. суффикс *-ni- (в ст.-слав., др.-рус. он имел форму *-нь-*) является одним из самых древних чистых суффиксов [1. С. 95].

Происхождение и.-е. суффикса *-ni-, согласно традиционной точке зрения, связывается с существованием в общеи.-е. генетически единого форманта *-n- и гласных формантов – показателей типов основ: *-e/o, -ā-, -u-, -i- [6. С. 81; 13. С. 225–226]. Поэтому соотношение именных и.-е. суффиксов *-no-, *-nā-, *-nu-, *-ni- точно такое же, как и у суффиксов *-to-, *-tā-, *-tu-, *-ti-. Древность образований с суффиксом *-n- с различной огласовкой подтверждается большим количеством соответствий в и.-е. языках: др.-инд. svár̥nas, др.-греч. ὕπνος, вед. ájgāni «невредимость», лат. somnus, др.-ирл. sūan, ди. swefn, лит. sãr̃nas, ст.-слав. сънь «сон» [5. С. 77; 11. С. 345, 349; 14. С. 64; 15. С. 184; 16. С. 145]. Кроме того, было высказано мнение, что и.-е. суффикс *-ni- возник в результате расширения консонантных основ на *-n за счет суффикса i-основ – гласного форманта *-i-, или что основы на *-ni- являлись продолжением и.-е. образований на *-n-es- [6. С. 147].

Сегодня восстановить с полной достоверностью семантику данного суффикса не представляется возможным, однако было высказано предположение, что элемент -n- в и.-е. суффиксе *-ni- имел то же происхождение, что и суффикс -n- у существительных гетероклитического склонения. Если это так, то, как показал Э. Бенвенист [17. С. 174], *-r-, *-n- и *-i- являлись старыми суффиксами, развившимися из словоизменяемых элементов при возникновении склонения, и *-n- был старым суффиксом отношения.

По мнению Н.Д. Андреева [18. С. 285], в общеи.-е. языке существовал самостоятельный суффикс отношения *-n- с семантикой «нам», «нашему роду», «для нашего рода», «для нас», которое он, возможно, сохранил в других комплексных формантах: и.-е. суф. *-en-, производившем относительные, локативные и посессивные прилагательные, и.-е. суф. *-no-, который образовывал прилагательные с посессивным значением, и.-е. суф. *-(e/o)nt-, который был отыменным посессивным суффиксом [14. С. 53, 63, 70]. В отношении последнего суффикса, и.-е. *-(e/o)nt-, существует мнение [19], что структурно он является сочетанием и.-е. суф. *-(e/o)n- с индивидуализирующим и персонифицирующим значением (которое отразилось в германском слабом склонении прилагательных) и показателем им. п. *-t-.

Семантика гласного компонента суффикса *-ni- была определена как «ближнее расположение» [8. С. 92]. Поэтому также возможно, что в фор-

манте *-ni- соединились два способа выражения значения отношения, при этом ослабленное значение первого компонента было дополнено другим.

Согласно еще одной точке зрения [9], в связи с обсуждением происхождения раннеобщей.-е. маркеров ж. р. *-ī-, *-ā-, *-ū-, *-yā-, элемент *-N- (= *-m-, *-n-), восходящий к энклитическому наречию, присоединялся к основам на -ī, -u, -a как показатель не-единичности и позднее собирательности, формируя комплексы *-iN, -uN, -aN. В фонетических условиях, когда следующее слово начиналось с согласного звука, элемент *-N- отпадал, что приводило к компенсационному удлинению предшествующего гласного, т.е. *-iN > *-ī-, *-uN > *-ū-, -aN > *-ā-. Такие собирательные имена реинтерпретировались как конкретные (по типу англ. youth «молодежь» >> «молодой человек»), например *g^wenā с первоначальным абстрактным и собирательным значением bearing «носящая», которое позднее переосмыслилось как «животное, которое вынашивает» и от этого «женщина» и др. [9. С. 58]. В результате элементы *-ī-, *-ā-, *-ū-, *-yā- морфологически выделились как показатели ж. р. Более того, этот же элемент *-N- впоследствии приобрел еще одну функцию – маркировать абстрактное содержание у отглагольных и отадъективных производных, первоначально закрепленное за и.-е. суф. *-mo- (скр. dhū-má-s «дым», греч. χύ-μό-ς «освобождение», fū-mu-s «дым», гот. dō-m-s «суждение»), и далее в формантах *-ni-, *-men-, *-eno- [9. С. 66–67]. После отпадения конечного *-N- многие первоначально оканчивавшиеся на назальный элемент АС вошли в типы склонения на *-ī-, *-ā- и *-ū-. До этого распространенным средством образования АС от атематических глаголов и прилагательных были тематические гласные *-ā- и *-o-.

Приведенные данные свидетельствуют в пользу того, что за формантом *-n- можно признать засвидетельствованной функцию маркера семантики отношения, посессивности, генитивности, отдаленного расположения, индивидуализации и персонификации.

И.-е. суффикс *-men-

В древних и.-е. языках данный суффикс служил для образования баритонных существительных ср. р. от корней со ступенью огласовки *-e [14. С. 69; 20. С. 61]. Производные с этим суффиксом могли иметь различные значения: имена действия (*néw-mŋ- «покачивание головой»), инфинитивы (в греческом), имена завершеного или предназначенного для чего-то объекта (*bhég-mŋ- «время»), имена орудий (*déH¹-mŋ- «связь»). Главным считается значение орудия действия. Однако, как указывает Ж. Одри, имена на *-men- являлись «старым классом на пути к исчезновению или распределению по другим классам: имена орудий становятся именами завершеного объекта с различными остаточными значениями. Во вторичной деривации отмечаются две смысловые оси: принадлежности и посессивности» [14. С. 71].

В различных ветвях индоевропейских языков обнаруживаются примеры производных с суффиксом *men/mon/mn, относящиеся к м. р. и ср. р.: лат. *augmen* «прорастание», *flumen* «течение, река»; др.-ц.-сл. *brēme* «тяжесть, ноша», *imę* – «имя», *sęme* – «семья»; скр. *vártma* «путь»; греч. *κευθών* и др. [3. С. 204; 11. С. 347; 15. С. 178; 21. С. 280; 22. С. 14].

Л.-Е. Ахлссон [2. С. 152] считает, что древнегерманский суффикс *-man- (= и.-е. *-mon-, *-men-) являлся слабой формой германского суффикса *-ma- (< и.-е. *-mo-), который был продуктивным средством образования абстрактных и конкретных имен от корней и глагольных основ в пра- и раннеобщегерманский период, но впоследствии быстро вышел из употребления: днв. *qualm* «мучение, мука» от *quēlan*, *ātem* «дыхание» и др. [6. С. 70]. Как считает К. Шилдз [9. С. 67], и.-е. суф. *-mo- содержал элемент *-N-, первичными функциями которого были обозначение неединичности и собирательности (подробнее см. суф. *-ni-).

Резюмируя вышеизложенные замечания, можно сказать, что и.-е. суффикс *-men- использовался для маркирования имен действия, имен орудий действия, имен объектов, а также семантики неединичности, собирательности, абстрактности, принадлежности и посессивности.

Основообразующий суффикс -n-

Рассматриваемый суффикс являлся показателем n-основ, которые были широко представлены в общеиндоевропейском языке. Их остатки сохранились в большом количестве в древних языках, таких как латинский, санскрит, греческий [23. С. 121]. Но именно германский не только сохранил общеи.-е модель n-основ, но и широко развил этот тип. По своей продуктивности в древнегерманских языках n-основы могли сравниться лишь с германскими a-основами (и.-е. o-основами), являясь одним из самых мощных индуцирующих типов, наложивших в отдельных случаях свой отпечаток даже на такой продуктивный тип склонения, как a-основы [1. С. 195].

Как было установлено, своими корнями германские n-основы уходят в праиндоевропейский класс г-/n-основ, остатки которого обнаруживаются в гетероклитическом склонении раннеиндоевропейского [24; 25. С. 120]. Кроме этого, было обнаружено и известное сходство n-основ с i-основами и u-основами. Последнее нашло свое отражение в том, что в различных индоевропейских языках имена могут соотноситься с n-, i- и u-основами [1. С. 195; 26. С. 6–9].

Считается, что прагерманские an-основы м. р. и ср. р., являясь более древними образованиями по сравнению с ðn-основами и ĩn-основами ж. р., этимологически восходят к и.-е. *n-основам, у которых основообразующий суффикс имел аблаутные формы: *-en-/-on-/-n-/-ēn-/-ōn- [6. С. 163, 172]. Прагерманские формы суффикса *-en-/-an-/-un-/-ēn-/-ōn- получили инновационное распределение: краткие ступени закрепились за

выражением м. р. и ср. р., в то время как продленные ступени – за ж. р. Основы на $\bar{o}n$ ж. р. рассматриваются как вторичные образования и могут трактоваться как расширения прагерманских \bar{o} -основ [6. С. 179].

Согласно общепринятой точке зрения, основообразующие суффиксы связаны по происхождению с древними местоименными корнями, которые, в свою очередь, часто образовывали целые комплексы, состоящие из нескольких местоименных корней (например, и.-е. *e-gho «я», *t-u/t-uo «ты / вы»; лит. *ši-tas* «этот»; рус. э-тот; лат. *e-tantum*) [6. С. 13; 7. С. 333; 8. С. 154; 26; 27. С. 149–150].

Как показали исследования, в общеиндоевропейском существовали местоименные основы, которые указывали на отдаленный от обоих говорящих предмет (*w-, *n-, *l-), близкий к говорящему предмет (*s-, *t-, *k-, *ei-/io-), близкий к слушающему предмет (лат. *iste*) [7. С. 332–334; 8. С. 146–156]. Поэтому отдаленность предмета обозначалась местоименными корнями *(o)no-, *(o)lo-, *u- (например, рус. *оньй, овьй*, др.-инд. *as-au*, лат. *olim* «тогда», *ille* «тот»), а близость предмета – корнями *se-/so-, *te-/to-, *ki-, *ei-/io- (например, слав. *sъj (*se/so < и.-е. *ki-): в формах др.-ц.-сл. *сь, си, се*, рус. *сей*, лат. *sum* «этого», *sum* «этой», *sos* «этих»); основа *to-: лат. *iste, ista, istud* «этот (эта, это) у тебя» (при наличии в латыни местоимения *is*); лит. *šis* (< и.-е. *ki-) «этот», хет. синтаксические частицы *su, ta* «и, вот»; основа *ei-/io-: лат. *is, ea, id* «этот», др.-инд. *ayam, idam* «этот», лит. *jìs, jì* «он»).

Подтверждая тезис о местоименной природе основообразующих суффиксов, считается возможным связать основообразующий формант -n- с и.-е. указательным местоимением с основами на *eno- (*enā-, ono-, onā-*), представленными в арийск. *ana* «этот, он»; авест. *ana-*; вост.-литов. диал. *anás, aĩs, enà* (ж. р.); ст.-слав. *онѣ, онь* «тот, он», *она* (ж. р.); хет. *anĩš*; арм. *аун* «тот»; двн. *ēner* «тот»; др.-инд. *ana-* «этот» [11. С. 401; 12. С. 20]. Отмечается, что типологически сходное явление наблюдается в финно-угорских языках, где формант -n- в составе личных и вопросительных местоимений происходит от корня указательного местоимения [28. С. 70]. Более того, К. Шилдз [10. С. 147] реконструирует дейктическую частицу в *(e/o)-n, которая своими рефлексами имеет и.-е. указательные корни *no-, *eno-, *oino-, *ono-, *aino-. Ученый приходит к выводу, что элемент *-n- выполнял индивидуализирующую и персонифицирующую функцию у имен, а у прилагательных, как в латинском и греческом, маркировал постоянное качество (permanent quality) [19. С. 85]. Это мнение было поддержано А. Баммесбергером [6. С. 172], который считал возможным приписать основообразующему суффиксу -n- хотя бы частично индивидуализирующую функцию по отношению к производящему корню.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что и.-е. прототипы общегерманских суффиксов с сонорным элементом – суффиксы *-ni-, *-men- и основообразующий суффикс *-n- (> *-an-), образован-

ные на основе агглютинации, сформировали синкретичный тип содержания, в котором совмещалась семантика, привнесенная каждым из компонентов. Повторяющиеся общие структурные элементы и.-е. суффиксов-источников косвенно свидетельствуют о том, что в них было «закодировано» такое содержание, которое наиболее точно соответствовало представлению об абстрактности / отвлеченности. В приведенных суффиксах гласный элемент располагается после согласного, т.е. является более поздним структурным наслоением. Его следует признать элементом, уточняющим, детализирующим значение всего суффиксального комплекса в целом. Наиболее древние значения согласных элементов следует рассматривать как базовые, опорные для суффиксальных комплексов, «цементирующие» их стабильность и устойчивость. Гласные элементы были более ориентированы на передачу пространственного расположения объекта (его удаленности / близости) и позднее маркирование грамматического рода.

В обобщенном виде для сонорных элементов *-n-, *-m- можно постулировать следующую семантику:

1) *-n(i)-: отношение, посессивность, генитивность, отдаленное расположение, индивидуализация и персонификация;

2) *-men-: имя действия, имя орудия действия, имя объекта, неединичность, собирательность, абстрактность, принадлежность и посессивность;

3) *-n-: отношение, дальнее расположение, индивидуализация, персонификация, принадлежность, постоянное качество.

Из приведенного описания можно увидеть, что повторяющимися компонентами семантики сонорного элемента являются значения отношения, посессивности и принадлежности.

Литература

1. *Сравнительная* грамматика германских языков / отв. ред. М.М. Гухман и др. М. : Наука, 1963. Т. 3. 455 с.
2. *Ahlsson L.-E.* Die Altfriesischen Abstraktbildungen. Uppsala : Almqvist & Wiksell, 1960. 272 p.
3. *Kluge F.* Urgermanisch : Vorgeschichte der altgermanischen Dialekte. 3 verb. und verm. Aufl. Strassburg : K.J. Trübner, 1913. 306 s.
4. *Feist S.* Etymologisches Wörterbuch der Gotischen Sprache. Halle : Druck von Karas, Kröber und Nietschmann, 1920. 448 s.
5. *Kluge F.* Nominale Stammbildungslehre der altgermanischen Dialekte. 2. Aufl. Halle : M. Niemeyer, 1926. 155 s.
6. *Bammesberger A.* Die Morphologie des urgermanischen Nomens. Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, 1990. 290 s.
7. *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М. ; Л. : Соцэкгониз, 1938. 510 с.
8. *Красухин К.Г.* Аспекты индоевропейской реконструкции. Акцентология. Морфология. Синтаксис. М. : Языки славянской культуры, 2004. 456 с.

9. *Shields K.* Some new observations concerning the origin of the Indo-European feminine gender // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung.* 1977. Bd. 91, heft 1. S. 56–71.
10. *Shields K.* Indo-European o-stem Genitives in *-ī // *Lingua Posnaniensis.* Posnań, 2000. XLII. P. 145–150.
11. *Brugmann K.* Kurze vergleichende Grammatik der Indogermanischen Sprachen. Berlin ; Leipzig, 1922. 774 s.
12. *Иванов В.В.* Сравнительно-исторический анализ категории определенности – неопределенности в славянских, балтийских и древнебалканских языков в свете индоевропейистики и ностратики // Категория определенности – неопределенности в славянских и балканских языках. М. : Наука, 1979. С. 11–63.
13. *Откупщиков Ю.В.* Из истории индоевропейского словообразования. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. 322 с.
14. *Одри Ж.* Индоевропейский язык // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. С. 24–121.
15. *Савченко А.Н.* Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М. : Высш. шк., 1974. 410 с.
16. *Елизаренкова Т.Я.* Грамматика ведийского языка. М. : Наука, 1982. 438 с.
17. *Benveniste E.* Origines de la Formation des Noms en Indo-Européen. P., 1935. 185 s.
18. *Андреев Н.Д.* Раннеиндоевропейский язык. Л. : Наука, 1986. 327 с.
19. *Shields K.* Comments about the Hittite suffix -ant- // *Lingua Posnaniensis.* Posnań, 2004. P. 83–88.
20. *Ringe D.* A Linguistic History of English. Oxford : Oxford University Press, 2006. Vol. 1 : From Proto-Indo-European to Proto-Germanic. 355 p.
21. *Мейе А.* Общеславянский язык. М. : Изд-во иностр. лит., 1951. 491 с.
22. *Кузьменко Ю.К.* Ранние германцы и их соседи: Лингвистика, археология, генетика. СПб. : Нестор-История, 2011. 266 с.
23. *Маньков Е.А.* О значении «слабого склонения» в германских языках // Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы : тез. докл. междунар. науч. конф. М., 2003. С. 121–122.
24. *Бенвенист Э.* Индоевропейское именное словообразование : пер. с фр. М. : Изд-во иностр. лит., 1955. 269 с.
25. *Барроу Т.* Санскрит. М. : Прогресс, 1976. 411 с.
26. *Specht F.* Der Ursprung der Indogermanischen Deklination. Göttingen : Vandenhoeck and Ruprecht, 1947. 423 s.
27. *Климов Г.А.* Типология языков активного строя. М. : Наука, 1977. 320 с.
28. *Майтинская К.Е.* Функция местоименного суффикса -n- в личных и вопросительных местоимениях финно-угорских языков // Вопросы финно-угорского языкознания. М. ; Л., 1962. С. 65–80.

INDO-EUROPEAN PROTOTYPES OF THE OLD GERMANIC SUFFIXES WITH SONORANTS (ON THE DATA OF ABSTRACT NOUNS)

Novitskaya I.V.

Summary. A group of word formation suffixes of the Old Germanic abstract nouns contains some elements that have a sonorant in their structure which is, by its origin, connected with the Indo-European pronominal bases and suffixes. The etymological analysis of those suffixes reveals the syncretic nature of their semantic organization. The sonorant is found out to be the marker of possessive, relative meaning as well as that of belonging that are complemented by the semantic components marked by a vowel element.

Key words: abstract nouns; Old Germanic languages; word formation; suffixes; sonorants; syncretic; meaning.